1963 г. Август *Т. LXXX, вып. 4*

УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК

БИБЛИОГРАФИЯ

Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962, 216 стр., ц. 1 р. 13 к.

В историю русской культуры М. В. Ломоносов вошел не только своими научными изысканиями, литературно-художественным творчеством и своеобразными произведениями изобразительного искусства. Большое значение имела и его научно-организаторская деятельность, которая широко развернулась в годы (1757—1765), когда он стал одним из руководителей Академии наук (советником Академической Канцелярии). Поручая Ломоносову руководство всеми научными учреждениями Академии, президент ее К. Г. Разумовский вменил ему в обязанность «иметь особливое старание и прилежное смотрение», чтобы «в университете и гимназии все происходило порядочно».

История народного образования в России давно уже привлекает к себе историков-исследователей, от их внимания не ускользнула и деятельность академических учебных заведений. Однако до сих пор никто специально не изучал роль Ломоносова в этом важном государственном начинании, хотя из того, что было уже известно, явствовало, что и здесь его заслуги были необычайно велики. Заполнить этот пробел в нашей литературе удалось Е. С. Кулябко.

Автор, Елена Сергеевна Кулябко, много лет состоит сотрудником Архива АН СССР, в ведении которого находятся Ломоносовские фонды. Она участвовала в подготовке IX и X томов Полного собрания сочинений Ломоносова, содержащих письма и деловые бумаги, которые являются основными источниками для изучения просветительской деятельности первого русского академика. Тем не менее при ознакомлении с рецензируемой работой все, интересующиеся деятельностью Ломоносова, с удовлетворением отметят, что в ней автор воспользовался также и документами, остававшимися до последнего времени неизвестными.

Работа Е. С. Кулябко состоит из четырех глав и приложения (краткие биографии студентов Академического университета). Кроме вводной первой главы, вторая глава «Первые годы учебной деятельности Академии наук», по существу, тоже является вводной. Если принять во внимание, что литература по истории просвещения в России не очень богата, то те сведения, которые приведены в названных вводных главах, особенно в главе II, рисующей положение академических учебных заведений до того времени, как Ломоносов стал безраздельно ими руководить, не являются излишними.

В работе Е. С. Кулябко обстоятельно изложены и светлые, и теневые стороны деятельности гимназии и университета. Как там, так и тут преподавали крупные специалисты, в том числе и академики. Не мало гимназистов успешно завершили среднее образование и, пройдя затем университетский курс, стали видными учеными. В качестве примера можно назвать академиков С. К. Котельникова и А. П. Протасова.

Надо, однако, иметь в виду, что в течение долгого времени учебные заведения Академии оставались без надлежащего присмотра, особенно гимназия. Телесные наказания тогда повсеместно входили в систему воспитания (их не исключал и Ломоносов); не чувствуя над собой контроля, некоторые преподаватели доходили в их применении до неслыханного произвола. В бумагах Академической Канцелярии сохранилось не мало записей о явном изуверстве. О конректоре И. Г. Штенгере сказано, что он наказывал учеников, «увеча их палкою так, что один из них, Илья Абрамов, около двух недель был болен». Когда же этому ретивому наставнику был «учинен выговор» за подобное обращение с учениками, то он «ученика Введенского не токмо увечил своею тростью, но и глаз оного подшиб опасно» (стр. 82).

Удивительно ли, что доведенные до отчаяния, возмущенные и раздраженные гимназисты однажды подожгли гимназию *).

---

*) Д. А. Толстой, Академическая гимназия в XVIII столетии, Записки имп. Академии наук, т. 51, кн. 1, Приложение № 2, стр. 66.

В книге Е. С. Кулябко приведено не мало других примеров, характеризующих безотрадное положение, в котором находился и университет: его студенты также подвергались унизительным телесным наказаниям, и притом публично.

Автор убедительно показывает, что только человек, беспредельно преданный своему делу и обладающий незаурядными педагогическими и организаторскими способностями, был в состоянии положить конец царившему хаосу и добиться того, чтобы академические учебные заведения достойно выполняли стоящие перед ними задачи подготовки отечественных кадров для Академии наук, равно как и для службы на общественном и государственном поприще. В этом отношении Ломоносов был поистине незаменим.

Еще будучи адъюнктом, он начал преподавать студентам Академии ряд дисциплин. Он первый в стенах Академии ввел преподавание на русском языке. Хотя учащиеся набирались из числа питомцев духовных учебных заведений и, следовательно, латынь знали, тем не менее трудности возникали у них на каждом шагу, да и серьезная подготовка кадров отечественных специалистов могла быть осуществлена, разумеется, лишь в том случае, если бы преподавание велось на родном языке. Автор отмечает, что Ломоносов первый стал составлять учебные пособия на русском языке. Потому-то к нему и потянулись способные русские студенты.

Конечно, не одно изложение привлекло к Ломоносову учащихся. Они ценили его глубокие познания, особенно в области химии. Показательным является то, что, проходя еще общенаучные дисциплины, группа студентов — Михаил Софронов, Иван Братковский и Василий Клементьев — возбудила следующее ходатайство перед Академией: «Понеже химия есть полезная в государстве наука, притом же и мы желаем обучаться оной, того ради всепокорнейше просим Канцелярию Академии наук, чтобы соблаговолила нам ходить оной науки к профессору его благородию господину советнику Ломоносову, который показывает нам эксперименты и лекции свои начать обещается. Что же касается до лекций, которые мы ныне слушаем, на оные как ходили, так и будем ходить, пока генерального развода по наукам не воспоследует» (стр. 71).

Получив в свое «единоличное ведение» академические учебные заведения, Ломоносов прежде всего принялся за установление твердого порядка, которому неуклонно подчинялись как учащиеся, так и учащие; среди последних было не мало таких, которые пренебрегали элементарными нормами дисциплины. Давно уже в Академии сознавали, что беспорядки в ее учебных заведениях происходят в значительной мере от того, что не выработано положение (регламент) о них.

Как установили биографы и исследователи деятельности Ломоносова, разработке «узаконений», «устройству» и «регламенту» академических учебных заведений он посвятил много трудов и зорко следил за тем, чтобы разработанные правила неукоснительно выполнялись. Требуя беспрекословного соблюдения установленной дисциплины, он в то же время постоянно проявлял заботу о благополучии учащихся.

Вскоре после того, как Ломоносов приступил к управлению академическими учебными заведениями, он писал И. И. Шувалову, одному из немногих государственных деятелей, которые принимали близко к сердцу нужды отечественной культуры: «Мое существенное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение гимназию и университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы» *).

Подготовку национальных кадров интеллигенции он считал важнейшим своим делом. Это была, пожалуй, самая трудная задача, которую Ломоносов когда-либо ставил перед собой, особенно если принять во внимание доставшееся ему тяжелое «наследие». Шаг за шагом он упорно продвигался к намеченной цели. Вот что мы читаем в одном из его отчетов о состоянии университета и гимназии: «Что ж до поведения гимназистов надлежит, то легко подумать можно, что малые ребята, как были прежде в вольности и только за неделю до выдачи жалованья в гимназию прихаживали, ныне в тесных пределах содержания, происходить может. Однако уже старые, большие на воле привыкают к лучшему, а вновь принимающие при нынешнем учреждении, прежнего небрежения не зная, ведут себя подобострастнее. И посему твердо надеюсь, когда старая вольница поведениями поправлена, или как скоро для затверделого злонравия из гимназии истребление будет, то не иначе, как нынешние студенты, кои все новые, и гимназисты станут себя вести смирно и порядочно» **).

Получив подготовку в одном из лучших в XVIII в. западноевропейских университетов, да еще под руководством виднейшего тогда ученого Хр. Вольфа, Ломоносов глубоко продумал систему высшего образования, имея постоянно в виду нужды родной страны. Широко известны его заслуги в деле создания Московского университета, основанного по его идее. Но академическому высшему учебному заведению он уделял особое место, считая, что именно здесь, где собраны главные научные силы страны, должны готовиться будущие ученые. Зная по собственному опыту, как важно пользоваться опытом лучших зарубежных университетов, он подготовил ряд студентов для посылки за

---

*) М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 539.
**) Там же, т. 9, стр. 594.

границу. Однако он не встретил поддержки в этом начинании. В книге Кулябко на документальном материале, особенно в главе III (Основание Академического университета и борьба М. В. Ломоносова за его организацию), отмечены главнейшие препятствия, которые встречал он, добиваясь выполнения своих планов. И. И. Тауберт — такой же советник Канцелярии, как и Ломоносов, говорил: «Разве-де нам десятки Ломоносовых надобно, и один, дескать, в тягость» (стр. 76). Однако, пока силы совсем не покинули Ломоносова, он не переставал лично руководить делами академических учебных заведений. Последний известный нам документ, подписанный им, касается именно учебных дел.

То, что было сделано Ломоносовым для распространения среднего и высшего образования, для подготовки высококвалифицированных специалистов, для упорядочения учебного процесса, еще долго чувствовалось в русском обществе XVIII в. после его кончины. Основываясь на богатом фактическом материале, Кулябко вполне основательно отмечает: «Влияние Ломоносова на формирование научных и общественно-политических идей питомцев Академического университета несомненно. Они стали истинными выразителями национальных интересов русского народа и способствовали просвещению широких его слоев. Передовыми идеями Ломоносова определилось и все направление деятельности выращенных им русских ученых. Для них, как и для Ломоносова, родина и наука были неразрывными понятиями» (стр. 129).

Книгу Е. С. Кулябко с большой пользой прочитают все, кто интересуется историей русской культуры. Правда, чтение этой книги несколько затрудняется выбранным автором порядком изложения, лишенным необходимой систематизации. Рубрикация отдельных разделов отсутствует. Чтобы найти сведения о конкретных фактах, заинтересовавших читателя, он должен пересматривать весь текст вновь. Этого упущения нетрудно было бы избежать, если главы были бы разбиты на разделы (с упоминанием их, конечно, в оглавлении).

Нельзя согласиться с тем, чтобы автор ссылался на архивные источники, а не на издания, в которых они уже опубликованы. Например, Планы и материалы к курсу физической химии Ломоносова опубликованы (и комментированы) в т. II Полного собрания сочинений; ссылка на соответствующий фонд Архива АН СССР (стр. 71) создает впечатление, что Е. С. Кулябко впервые вводит эти документы в научный обиход.

Некоторое чувство неудовлетворенности вызывает ряд тяжеловесных выражений, ускользнувших от глаза редактора. Вот несколько примеров: «Академия дала предписание» (стр. 71); «вследствие отсутствия руководителя» (стр. 77); «И. П. Эбергард, который профессорствовал в Галле» (стр. 79); «указанные кафедры остались пусты» (там же); «...разрешил проблему денежного снабжения» (стр. 95).

М. И. Радовский